

РЕШЕНИЕ

Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга по дисциплинарному производству № в отношении адвокатов Т. и Ф.

30.10.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кони́на Н.Н., Краузе С.В., Морозова М.А., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В. в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 30.10.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвокатов Т. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) и Ф. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 03.03.2025 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвокатов Т. и Ф. послужила жалоба К.А.В., поступившая в АП СПб 24.02.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 11.03.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.06.2025 адвокатом Т. допущено нарушение взаимосвязанных положений:

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.*
- п. 1 ст. 8 КПЭА: *При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*
- п. 4 ст. 13 КПЭА: *Адвокат-защитник обязан обжаловать приговор: 1) по просьбе подзащитного; 2) если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более*

тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный; 3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам. Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату.

- п. 16 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20.04.2017 (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов): *Защитник обжалует в апелляционном порядке приговор суда при наличии к тому оснований, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора и защитник убежден в отсутствии самооговора.*

Нарушение выразилось в следующем.

Адвокат Т. не обжаловала постановление Московского районного суда Санкт-Петербурга от 02.12.2023 об избрании К.А.В. меры пресечения в виде содержания под стражей.

Согласно объяснениям адвоката Т. она не подала апелляционную жалобу на указанное постановление суда постольку, поскольку 03.12.2023 у неё случился гипертонический криз, вызванный семейными обстоятельствами, и в период с 04.12.2023 по 13.12.2023 она была лишена трудоспособности.

Давая оценку доводам адвоката, Квалифкомиссия находит доводы адвоката Т. о невозможности обжаловать судебный акт несостоятельными и исходит из того, что адвокат не была лишена возможности подать соответствующую жалобу 02.12.2023, а также, при наличии уважительной причины, подать жалобу с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что у адвоката Т. отсутствовал письменный отказ подзащитного К.А.В. от подачи апелляционной жалобы на постановления суда об избрании меры пресечения, в связи с чем Квалифкомиссия установила нарушение законодательства об адвокатуре в бездействии адвоката Т.

Квалифкомиссией также рассмотрены и следующие дисциплинарные претензии заявителя К.А.В. в адрес адвоката Т.:

1. Адвокат не согласовала позицию с доверителем перед началом допроса К.А.В. 01.12.2023, однако активно корректировала его показания во время следственных действий (допрос и очная ставка) и обманом убедила его подписать протоколы следственных действий.
2. Адвокат ненадлежащим образом защищала интересы К.А.В. 02.12.2023 в судебном заседании Московского районного суда Санкт-Петербурга при рассмотрении ходатайства следователя об избрании К.А.В. меры пресечения, а именно не обсудила позицию, не представила доводы против заключения под стражу, своими действиями усугубила положение доверителя.
3. Адвокат заключила соглашение на оказание юридической помощи К.А.В. с третьим лицом М.К.А. без его ведома и согласия.
4. 11.01.2024 адвокат Т. при конфиденциальной беседе с К.А.В. не обсуждала позицию по делу, не согласовывала её, а обсуждала иные вопросы.

5. Адвокат Т. просила у матери К.А.В. помимо оплаты гонорара по соглашению перевести денежные средства в размере 45 000 рублей «на сопутствующие расходы».
6. Адвокат приняла участие в следственных действиях 22.01.2024 вопреки письменному отказу доверителя от её услуг

Руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката, оценив представленные доказательства, Квалифкомиссия не нашла подтверждения указанным выше дисциплинарным претензиям и не усмотрела в действиях (бездействии) адвоката Т. нарушений требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА.

Кроме того, Квалифкомиссией рассмотрены дисциплинарные претензии заявителя К.А.В. в адрес адвоката Ф.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.06.2025 дисциплинарное производство в отношении адвоката Ф. необходимо прекратить вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 9 ст. 23 КПЭА.

Квалифкомиссия установила, что 15.01.2024 адвокат Ф. получила заявку № из системы АИС «Адвокатура» на проведение следственных действий с участием К.А.В. в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Адвокат Ф. связалась со следователем Булыгой О.И., от которой адвокату стало известно о запланированных следственных действиях с участием К.А.В.

Кроме того, адвокат Ф. была поставлена следователем в известность об участии в защите К.А.В. адвоката по соглашению Т., которая, по словам следователя, в тот момент болела и не могла принять участие в следственных действиях.

26.01.2024 адвокат Ф. вместе со следователем и двумя свидетелями прибыли в следственный изолятор.

К.А.В. отказался от помощи адвоката Ф. по причине наличия адвоката по соглашению Т. и написал соответствующее заявление, представленное адвокатом Ф. материалы дисциплинарного дела.

Адвокат Ф. в качестве защитника К.А.В. участие в каких-либо следственных действиях, в том числе 26.01.2024, не принимала.

Таким образом, доводы жалобы К.А.В. о том, что после его отказа от помощи адвоката Ф. вопреки его интересам были проведены следственные действия, не подтверждаются материалами дисциплинарного дела.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 30.10.2025 были извещены надлежащим образом.

Заявитель К.А.В. и адвокат Ф. на заседание не явились, представителей не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Адвокат Т. на заседание явилась, выразила несогласие с заключением Квалифкомиссии от 26.06.2025, ответила на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката Т., изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

1. Относительно доводов жалобы о бездействии адвоката Т., выразившемся в необжаловании постановления суда об избрании заявителю меры пресечения.

02.11.2023 Московский районный суд Санкт-Петербурга рассмотрел постановление следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании К.А.В. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Указанное ходатайство было рассмотрено судом с участием защитника – адвоката Т., постановлением судьи в отношении К.А.В. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Данное решение суда ни обвиняемым К.А.В., ни его защитником адвокатом Т. в апелляционном порядке не обжаловалось, при этом К.А.В. не подавал адвокату Т. письменного заявления об отказе от такого обжалования.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, в том числе постановления Московского районного суда Санкт-Петербурга от 02.11.2023, при рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении К.А.В. меры пресечения в виде заключения под стражу как сам заявитель, так и его защитник – адвокат Т. – возражали против удовлетворения данного ходатайства следователя, просили суд об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Однако суд позицию К.А.В. и его адвоката Т. не разделил, избрав в отношении К.А.В. меру пресечения в виде заключения под стражу, отказав в удовлетворении ходатайства защиты. Как указано выше, К.А.В. не подавал адвокату Т. письменное заявление с просьбой не обжаловать вышеуказанное постановление суда.

Данные обстоятельства, не отрицаемые и самим адвокатом Т., свидетельствуют о том, что она была обязана обжаловать указанное постановление суда постольку, поскольку суд первой инстанции её позицию не разделил, а К.А.В. в письменном виде от обжалования судебного акта не отказался, однако адвокат Т. не сделала этого, что свидетельствует о неисполнении ею профессиональных обязанностей перед доверителем.

Совет АП СПб соглашается с Квалифкомиссией, признавшей несостоятельными доводы адвоката Т. о невозможности обжаловать постановление суда ввиду утраты трудоспособности постольку, поскольку она была не лишена возможности подать апелляционную жалобу 02.12.2023, а также, при наличии уважительной причины, обратиться в суд с соответствующей жалобой и ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока подачи апелляционной жалобы, чего, однако, ею сделано не было.

С учётом вышеизложенного Совет АП СПб признает презумпцию добросовестности адвоката Т. в отношении указанного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а её вину в совершении соответствующего дисциплинарного нарушения при описанных обстоятельствах – установленной.

Соглашаясь с Квалифкомиссией в том, что адвокатом Т. совершён дисциплинарный проступок, Совет АП СПб полагает необходимым квалифицировать её бездействие иным образом ввиду нижеследующего.

Квалифкомиссией бездействие адвоката Т. квалифицировано, среди прочего, по п. 16 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20.04.2017, согласно которому защитник обжалует в апелляционном порядке приговор суда при наличии к тому оснований, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора и защитник убеждён в отсутствии самооговора.

Вместе с тем Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20.04.2017 также прямо предписывает адвокату по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжаловать его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного (п. 9).

Указанное положение представляется очевидно более релевантным с точки зрения квалификации рассматриваемого дисциплинарного проступка.

В связи с вышеизложенным Совет АП СПб также полагает излишней квалификацию бездействия, совершённого адвокатом Т., по п. 4 ст. 13 КПЭА, согласно которому адвокат-защитник обязан обжаловать приговор, если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного (подп. 2), поскольку в рассматриваемом дисциплинарном производстве адвокат Т. не обжаловала постановление об избрании меры пресечения, а не приговор суда.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб признает, что адвокатом Т. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре, п. 2 ст. 8 КПЭА и п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20.04.2017, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем К.А.В., выразившееся в не обжаловании постановления суда об избрании последнему меры пресечения в виде заключения под стражу.

2. Относительно доводов жалобы о том, что адвокат Т. не согласовала позицию с доверителем перед началом допроса К.А.В. 01.12.2023, обманом уредила подписать протоколы следственных действий; при конфиденциальной беседе с К.А.В. не обсуждала позицию по делу, не согласовывала её, а обсуждала иные вопросы; ненадлежащим образом защищала интересы 02.12.2023 в судебном заседании Московского районного суда Санкт-Петербурга; заключила соглашение на оказание юридической помощи К.А.В. с третьим лицом М.К.А. без его ведома и согласия; просила у матери К.А.В. помимо оплаты гонорара по соглашению перевести денежные средства в размере 45 000 рублей «на сопутствующие расходы».

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией не усматривает оснований полагать, что адвокат Т. не согласовала позицию с заявителем К.А.В. перед его допросом, корректировала его показания во время допроса и уредила подписать протокол допроса, о чём свидетельствует как текст самой жалобы, из содержания которой следует, что адвокат обращала внимание следователя на допущенные нарушения, то есть занимала активную позицию при защите прав К.А.В., так и материалы дисциплинарного производства в принципе.

Совет АП СПб соглашается с выводами Квалифкомиссии о том, что в жалобе не конкретизировано, в чём позиция адвоката Т. отличалась от позиции К.А.В., а также в

чём заключалось нарушение интересов К.А.В. при тех показаниях, которые были зафиксированы в протоколах следственных действий.

Наконец, материалы дисциплинарного производства не содержат сведений о принесении заявителем замечаний на протокол допроса.

Равным образом не содержат материалы дисциплинарного производства и доказательств того, что 11.01.2024 адвокат Т. при конфиденциальной беседе с К.А.В. не обсуждала его позицию по делу, не согласовывала её, а обсуждала иные вопросы. При этом Квалифкомиссия обоснованно пришла к выводу о том, что поскольку адвокат Т. не подтверждает эти обстоятельства, никакими материалами дисциплинарного дела они также не подтверждены, то в данной части дисциплинарных претензий добросовестность адвоката не опровергнута.

Не нашли своего подтверждения и доводы жалобы К.А.В. о ненадлежащей защите его прав и законных интересов адвокатом Т. в судебном заседании Московского районного суда Санкт-Петербурга.

Вопреки утверждениям заявителя К.А.В., адвокат Т. возражала против избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу, заняла активную позицию, ходатайствовала об избрании доверителю более мягкой меры пресечения в виде домашнего ареста, для чего адвокат Т. пригласила в заседание знакомую К.А.В. – М.К.А., которая была допрошена по инициативе защиты, дав показания о готовности заключить договор найма жилого помещения с целью предоставления квартиры К.А.В. в период содержания его под домашним арестом, а также сообщила суду о возможности обеспечивать последнего материально.

Указанные выше обстоятельства нашли своё отражение в постановлении суда об избрании меры пресечения К.А.В.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Т. в этой части дисциплинарных обвинений также не опровергнута.

Совет АП СПб также полагает правильной оценку Квалифкомиссией дисциплинарных претензий о заключении адвокатом Т. соглашения в пользу К.А.В. с третьим лицом М.К.А. в отсутствие его согласия.

Согласно п.п. 1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Действующее законодательство позволяет адвокату заключать соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу не только с лицом, которому адвокат оказывает юридическую помощь непосредственно (например, обвиняемым), но и с лицом, назначающим доверителя, которому адвокат будет оказывать юридическую помощь (соглашение в пользу третьего лица).

Согласно прямому указанию ч. 1 ст. 50 УПК РФ приглашение защитника осуществляется подозреваемым, обвиняемым либо другими лицами по их поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с п. 4 Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017, в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует получить

согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключённому адвокатом с иным лицом.

Согласно Методическим разъяснениям о соглашениях, заключаемых в интересах участников уголовного производства иными лицами, утверждённым решением Совета АП СПб (протокол № 20 от 09.10.2025), не исключено получение вышеуказанного согласия и в конклюдентной форме (например, при совместном участии адвоката и подзащитного в судебном заседании, следственном или ином процессуальном действии).

Квалифкомиссия справедливо обращает внимание на противоречия в пояснениях заявителя К.А.В. о том, когда он узнал о заключённом соглашении, а именно сначала он указывает, что узнал о наличии соглашения с адвокатом Т. 05.12.2023, и именно по этой причине по указанию следователя написал отказ от адвоката по назначению М.В.А., а после сообщает, что об этом ему стало известно лишь 21.12.2023 на судебном заседании.

При этом адвокат Т. неоднократно участвовала в следственных действиях и судебных заседаниях с К.А.В., однако последний не высказал своего несогласия на участие в деле адвоката Т., ни устно, ни письменно не отказывался от её помощи до 22.01.2024, из чего можно сделать вывод, что К.А.В. выразил своё согласие на участие адвоката Т., действующей по соглашению, в конклюдентной форме.

Не может не согласиться Совет АП СПб и с критической оценкой Квалифкомиссией доводов жалобы о том, что адвокат Т. просила у матери К.А.В. денежные средства «на сопутствующие расходы» помимо оплаты по соглашению, поскольку они не подтверждены материалами дисциплинарного дела.

Адвокат Т. подтвердила факт получения ею денежных средств в размере 45 000 рублей от матери К.А.В., однако пояснила, что они были направлены не по её просьбе, а по инициативе матери К.А.В. и могли бы быть использованы адвокатом в случае дальнейшего заключения соглашения на оказание юридической помощи К.А.В. именно с матерью К.А.В., однако поскольку К.А.В. отказался от помощи адвоката Т., защитник возвратила указанные денежные средства матери К.А.В., а из материалов дисциплинарного производства не усматривается наличие у последней каких-либо претензий к адвокату Т. в этой связи.

Следовательно, в данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, принимает решение **о прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката Т. вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

3. Относительно дисциплинарных претензий в отношении адвоката Ф.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Совет АП СПб разделяет выводы Квалифкомиссии об отсутствии сведений о нарушении адвокатом Ф. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре,

а также КПЭА, признаёт их убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения.

Так, вопреки доводам жалобы, после отказа К.А.В. от помощи адвоката Ф. никакие следственные действия в тот день по уголовному делу не проводились, адвокат Ф. защиту заявителя не осуществляла.

С учётом указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым **прекратить дисциплинарное производство** в отношении адвоката Ф. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

Совет АП СПб считает заключение Квалифкомиссии соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Т. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает его умышленный характер, но не признаёт его тяжким, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий не имеется.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Т. действующих дисциплинарных взысканий.

При указанных обстоятельствах Совет АП СПб считает необходимым применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 КПЭА.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству ... решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой, на основании заключения комиссии или вопреки ему, если фактические обстоятельства комиссией установлены правильно, но ею*

сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката или толковании закона и настоящего Кодекса.

Совет АП СПб, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, принимает решение о **прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката Ф. вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 и 2 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Т. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения требований

подпункта 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пункта 2 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, пункта 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20.04.2017

и применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Прекратить дисциплинарное производство № в отношении адвоката Ф. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.